

На пути к культурно-исторической теории мотивации: уровневая концепция человеческих действий П. Жане

Е. Ю. Патяева

кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии личности факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Статья посвящена одной из первых концепций исторического развития поведения и психики человека — «психологии действия» Пьера Жане. Ее задачей является реконструкция уровней мотивации человеческих действий в концепции Жане, т. е. выделение тех конкретных мотивационных процессов и устойчивых мотивационных образований, которые возникают на разных этапах развития человеческого поведения и вносят вклад в мотивационную регуляцию действий современного взрослого человека. Основываясь на работах Жане, автор рассматривает четыре основных уровня поведения и побудительных процессов — «низший» (действия управляются потребностями и рефлексам), «промежуточный» (добавляются речевые команды), «средний» (появляются простые и обдуманные верования, акты намерения, устойчивые жизненные интересы, «я», социальное сравнение, оценивание и самооценивание и др.), и «высший» (добавляются разного рода идеи, рефлексия своих идей и верований с разных позиций, критика, произвольное усилие и др.). Разработанная Пьером Жане уровневая концепция человеческого поведения рассматривается как одна из важных предпосылок для построения культурно-исторической теории мотивации.

Ключевые слова: концепция П. Жане, психология действия, мотивационные процессы человека, культурно-исторический подход.

Человек есть, прежде всего, животное говорливое, которое проговаривает свои действия и воплощает в дело свои слова.

Пьер Жане

Настоящая статья продолжает анализ развития культурно-исторических представлений о мотивации человека, начатый в работе «К истокам культурно-исторического понимания человеческой мотивации: французская социологическая школа» [8]. В ней были коротко охарактеризованы три парадигмы понимания мотивации человека — двойственная (или дуалистическая), потребностная и культурно-историческая. Первая из них сохраняет идущее от Платона принципиальное деление движущих сил человеческого поведения на «низшие» (потребности, влечения, инстинкты) и «высшие» (разумные побуждения, духовные или экзистенциальные устремления). В рамках второй, потребностной парадигмы «высшие» потребности рассматриваются как результат прижизненного развития и когнитивной обработки тех или иных базовых

врожденных влечений и потребностей, так что различие между «высшими» и «низшими» побуждениями оказывается не принципиальным. Культурно-историческая же парадигма предполагает прижизненное формирование всех специфически человеческих побуждений и их существенное различие в разных социальных и исторических условиях. Сразу стоит отметить, что если в рамках дуалистической и потребностной парадигм к настоящему времени построено довольно много всеобъемлющих теорий мотивации*, то в культурно-исторической традиции при всем богатстве идей, подходов и результатов пока не представляется возможным указать на какую-либо законченную теорию мотивации человека. Поэтому своего рода «сверхзадача» настоящей серии статей в том, чтобы показать содержательные взаимосвязи ряда идей и концепций

* В дуалистической логике выстроены, например, анализ человеческих побуждений В. Джемса, концепция побуждений В. Франкла и А. Лэнгле, в потребностной логике — большинство концепций мотивации, начиная от классических концепций З. Фрейда, Г. Мюррея и А. Маслоу и кончая теорией самодетерминации Э. Деси и Р. Райана.

(обычно рассматриваемых изолированно друг от друга), которые могут составить ядро будущей культурно-исторической теории мотивации*. Первый детально разработанный «раздел» этой будущей теории представлен, на мой взгляд, работами Э. Дюркгейма и его коллег по французской социологической школе об обществе как совершенно особом источнике человеческих побуждений, способном создавать разного рода «священные» объекты и побуждать человека к действиям, не только не вытекающим из его потребностей, но порой и прямо препятствующим их удовлетворению. Этим работам Э. Дюркгейма и его коллег была посвящена предыдущая статья. Следующий шаг в развитии культурно-исторического понимания движущих сил человеческого поведения был сделан в «психологии действия» Пьера Жана, которая и станет теперь предметом нашего рассмотрения. Жане был хорошо знаком с работами французской социологической школы и в какой-то степени являлся постоянным оппонентом Дюркгейма**, причем оппонентом, анализирующим «тот же самый объект, но с противоположной стороны» [23, с. 7]. Поэтому многие положения «психологии действия» Жане активно перекликаются с идеями французской социологической школы. В частности, Жане психологически раскрывает и конкретизирует идею Дюркгейма о социальных побуждениях как основе любых волевых, моральных и духовных мотивов и стремлений, тем самым делая чрезвычайно важный шаг на пути к построению культурно-исторической теории мотивации человека.

Пьер Жане — одна из самых загадочных фигур в истории психологии. Известно, что З. Фрейд до конца своей жизни продолжал оправдываться за то, что во время своей стажировки в Париже в клинике Сальпетриер он не «заимствовал» идеи Жана, хотя приоритет Жане в ряде ключевых положений психоанализа неоспорим, и в своих ранних работах Фрейд на него ссылался [13; 15; 12; 24]. Однако о психоанализе Фрейда знают все, а «психологический анализ» Жане, по образцу которого создавались теория и методы Фрейда [15, ч. 2, с. 169], оказался прочно и надолго забыт. Но времена меняются — и психологам XXI в. Жане снова стал интересен, а некоторые говорят даже о его посмертном «реванше» в споре с Фрейдом (см., напр.: [12; 17; 18; 24; 25; 26]).

В ожесточенных спорах его времени между детерминистами и сторонниками свободной воли позиция П. Жана была уникальной: не желая пренебрегать фактами «ради большего наукообразия» — а свободу воли взрослого образованного человека он считал безусловным фактом, — Жане ставит вопрос, как эта

способность к свободному действию складывается, и пытается выстроить своеобразную непрерывную «лестницу» форм поведения, простирающуюся от рефлекторных реакций до свободных разумных действий. Позднее по этому же пути пошел и Л. С. Выготский.

По мнению Жана, поведение человека «многослойно»: над эволюционно ранними видами действий вроде рефлексов или простых перцептивных действий, принципиально общих для человека и животных, «надстраиваются» элементарные интеллектуальные действия и первые формы речи, затем добавляется «поведение среднего уровня», где появляются намерение, обсуждение и решения, и венчают иерархию форм поведения высшие виды действия, включающие в себя разумные действия, создание биографии, действия, устремленные в будущее, и уникальные личные действия [22]. Концепция уровней поведения и уровней личности П. Жана довольно противоречива, в разных его работах не совпадает даже само число выделяемых уровней [ср., напр.: 20, 21, 22]. Кроме того, у Жана нет отдельной работы, специально посвященной развитию мотивации, его представления об эволюции способов побуждения человека составляют органическую часть целостной картины развития поведения и личности. Поскольку общая концепция уровней поведения Жане представлена в отечественной психологии достаточно детально [1; 12], а его «Психологическая эволюция личности» недавно переведена на русский язык [5], задача настоящей статьи — возможно более четко реконструировать именно описанные Жане *уровни мотивации* человеческих действий, иными словами — конкретные «наборы» мотивационных процессов и устойчивых мотивационных образований, возникающие на разных этапах развития человеческого поведения. Дело в том, что фактически описанные французским психологом уровни мотивации не только имеют историческое значение, но и принципиально важны для построения культурно-исторической теории мотивации — в частности потому, что Жане дает гораздо более детальный анализ уровней организации человеческих действий, чем тот, который мы находим в классических концепциях Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева, ставших основой для отечественной психологии. Отправной точкой для реконструкции уровней мотивирования действий этой статье выступает четырехуровневая модель поведения, описанная в итоговой обобщающей работе Жана [22], которую мы будем дополнять анализом конкретных форм поведения, представленным в ряде его более ранних работ [19–21].

* Здесь и ниже мы пользуемся широким пониманием мотивации, согласно которому это понятие охватывает любые психические образования и процессы, участвующие в побуждении действий (см., напр.: [3; 11; 14]). При этом в сфере мотивационных или побудительных явлений мы будем различать устойчивые мотивационные образования и кратковременные мотивационные процессы (подробнее см.: [2; 3; 7; 14]).

** Жане ссылался на работы Дюркгейма чаще всего критически (см., напр.: [21, с. 143–148, 236–237]).

1. Низшие уровни поведения, общие для человека и животных: потребности и простейшие «тенденции к действию»

К древнейшим уровням поведения Жане относит простейшие диффузные движения, рефлекторные акты, простые «перцептивные» или предметные* действия и элементарное социальное поведение (включающее подражание, следование за вожаком, соперничество, заботу о детенышах и т. п.). Все эти формы поведения присущи не только человеку, но и многим животным — поэтому Жане и называет этот уровень «животным поведением» (*la conduite animale*). Поведение побуждается здесь потребностями и привычными «тенденциями», т. е. предрасположенностями к тем или иным определенным действиям [22]. По сути, здесь перед нами целый ряд уровней, в которых спрессованы миллионы лет эволюции поведения и регулирующих его механизмов, причем общим для всех уровней является то, что они представляют собой «поведение без языка» [20, с. 17]. Поскольку в данной работе нас интересуют собственно человеческие способы побуждения действия, эти древнейшие уровни мотивации, общие для человека и животных, мы не будем рассматривать подробно (их компактное описание см.: [там же, с. 16—19]). Далее идет принципиально важная ступень развития поведения, которую Жане называет «промежуточной» (или переходной) между поведением, общим для человека и животных, и собственно человеческими формами действия.

2. «Промежуточный» уровень: поведение, побуждаемое речевыми командами

Решающую роль в возникновении специфически человеческих форм поведения играет, по Жане, человеческая речь [19—22]. Более того, он убежден, что «вся человеческая жизнь основана на языке» [21, с. 28] и что речь представляет собой своего рода «мост», связывающий элементарные и высшие формы человеческого поведения, начиная от простейших двигательных рефлексов и кончая мышлением, сознанием и свободной волей [22]. При этом саму речь Жане рассматривает как особое действие — а именно *действие, побуждающее другого человека к определенному поведению*. Исходно это действие внешнее, направленное на другого человека, но может стать и внутренним, определяющим поведение самого субъекта [20].

Наиболее ранней и принципиально важной формой речи, к тому же играющей существенную роль в любом поведении человека, Жане считает действие командования, т. е. акт отдания приказа и акт подчинения приказу [20—22]. Таким образом, побудитель-

ная функция речи является, по его мнению, исходной (позднее эта идея была развита и обоснована в работах Б. Ф. Поршнева [9; 10]). К этому выводу Жане приходит, в значительной мере опираясь на свои многолетние клинические исследования, в частности на опыт работы с гипнотическим внушением, которое он рассматривает как явление, родственное самым первым этапам развития человеческой речи и специфически человеческого поведения в целом.

Следует отметить, что простейшими случаями внушения Жане считает не специальные демонстрации врачей и гипнотизеров, а спонтанные самопроизвольные явления, встречающиеся у ряда больных. Например, он описывал 19-летнего юношу, время от времени впадавшего в своеобразные необычные состояния, находясь в которых он терял способность сопротивляться тенденциям, порождаемым в нем некоторыми впечатлениями. Так, проходя по улице мимо шляпной мастерской, он мог сказать себе: «Вот шляпная мастерская. Здесь покупают шляпы» — и купить шляпу, которая была ему совершенно не нужна. В другой раз, находясь в аналогичном состоянии, он проходил мимо вокзала и сказал себе: «Это железнодорожный вокзал, куда приходят, чтобы отправиться в путешествие» — и вошел в здание вокзала, прочитав на щите слово «Марсель», купил билет до Марселя, сел в поезд и осознал абсурдность своего путешествия, сошел с поезда проехав несколько станций [19, с. 68].

Анализируя явления внушения, Жане обращает внимание прежде всего на два момента: на факт совершения действия и на то, что это действие неполное или в каком-то смысле дефектное — например, молодой человек покупает шляпу, которая ему абсолютно не нужна, в которой он не испытывает никакой потребности. Эта дефектность действия поражает нас еще и потому, что она контрастирует с обычным поведением субъекта (выйдя из своего необычного состояния, сам удивляется своей «глупости»). При этом во всех случаях внушения мы всегда имеем дело с действиями, связанными с речью и «с той особой связью между речью и действием, которая характеризует волю и убеждения и которую можно назвать согласием на действие». Однако внушенные действия отличаются от собственно волевых отсутствием процесса внутреннего обсуждения, так что «согласие на действие» оказывается в этом случае «необдуманным» и часто случайным [там же, с. 69].

Итак, на «промежуточном» уровне развития поведения к ранее возникшим побудительным механизмам — таким как потребности или реагирование на внешние воздействия, — добавляется принципиально новая форма побуждения действия: побуждение речью, речевым приказом. Одной из первых форм речевого побуждения оказывается прямое внушение. Позднее возникают более развитые формы

* То есть действия, регулируемые *восприятием предмета* потребности — в качестве примера Жане приводит погоню собаки за зайцем и его поедание. Чаще всего Жане называет их *les actions perceptifs* (перцептивные действия), поясняя при этом, что это «действия в отношении того или иного предмета» или даже «действия, конструирующие предмет» [20, с. 19].

речевого побуждения, прежде всего внутренняя речь и внутреннее обсуждение, и «установление все более и более сложных отношений между речью и действием определило весь последующий прогресс человеческого поведения» [22]. Тем самым Жане делает принципиальный шаг в заполнении «пробела» между «низшими», потребностными мотивационными механизмами, общими для человека и животных, и «высшими» духовными, рациональными или волевыми побуждениями. Как и Дюркгейм, Жане видит истоки противопоставления душевных и телесных побуждений в социальном взаимодействии людей, но он идет дальше и выделяет человеческую речь как «субстанцию» этого взаимодействия и как особую, специфически человеческую форму мотивирования поведения. Иными словами, он находит принципиально важное промежуточное звено между традиционно выделявшимися «низшими», импульсивными, и «высшими», волевыми действиями, что открывает возможность понять, каким образом человек оказался способным действовать свободно и разумно.

По мнению Жане, отдельные элементы «промежуточного» уровня развития поведения могут наблюдаться уже у высших животных, однако в полной мере этот уровень характерен лишь для человека, «хотя и очень примитивного» [22]. Проявлением поведения этого уровня у современных людей он считает не только подчинение внушению, но и «непоследовательную», т. е. совершенно оторванную от действий и реальных жизненных событий речь многих пациентов психиатрических лечебниц. Посмотрим теперь, как французский психолог видит дальнейшую эволюцию поведения человека и, в частности процессов речевого побуждения.

3. Поведение среднего уровня: верования, намерения, «персонажи», обдумывание своих действий и внутреннее «я»

Из актов командования и речевых приказов вырастают более сложные формы действий и речевых побуждений, которые Жане называл актами *утверждения*, включая сюда, с одной стороны, всевозможные *изъявления воли* (обещания, клятвы, обязательства, намерения и желания), с другой — разного рода *верования* (например: «Гайд-парк открыт для публики», «Сена течет в Париже» или «офицер должен командовать солдатами») [20; 22]. Важно отметить, что любые «верования» Жане рассматривал как особые формы действия.

Характерные для этого «среднего» уровня развития поведения новые формы действия становятся возможными благодаря освоению новых интеллектуальных операций и приобретению способности создавать объекты, которые Жане называет «*полуре-*

альными» (такие как портрет, воспоминание, знамя или тотем). Перечисленные объекты существуют в несколько ином смысле, чем простые «перцептивные» объекты: знамя или тотем как бы существуют и не существуют одновременно. С одной стороны, тотем существует в «объективном» мире и представляет собой кусок дерева определенной формы или какую-то птицу. С другой стороны, кусок дерева или птица — это еще не тотем, это предметы, принадлежащие уровню перцептивных действий. Тотем же или знамя — это совершенно особая реальность, существующая лишь в силу того, что мы ее воспринимаем в данном ее *значении*. И если это значение утеряно, если, например, мы не понимаем, что кусок ткани является знаменем какого-то народа, оно «становится ничем, становится просто тряпкой, не имеющей никакого значения» [21, с. 150]. Это Жане и называет *полуреальным*, а на более привычном нам языке такого рода объекты можно назвать *символическими*. Практически все верования и все изъявления воли включают в себя подобного рода полуреальные или символические объекты. Здесь уместно вспомнить, что именно тотемы, знамена и другие символические объекты попадают в категорию «священного», детально проанализированную в работах Э. Дюркгейма и других представителей французской социологической школы. И их можно назвать не только «полуреальными» или символическими объектами, но еще и объектами *социальными*, подчеркивая этим, что они существуют для определенной социальной группы, члены которой *понимают* их значение и разделяют отношение к ним как к совершенно особым *священным* (или хотя бы просто *значимым*) объектам. Существование социальных объектов в указанном смысле слова выводит нас за рамки традиционного философского противопоставления «объективного» и «субъективного», и в этом позиции Дюркгейма и Жане почти совпадают*.

Большая часть поведения современного человека разворачивается именно на среднем уровне, и Жане выделяет два существенно различных «слоя», или «подуровня», этого поведения: *простые* (наивные) верования и *обдуманые* верования.

Слой простых верований: «поведение знамени», намерения, «персонаж» и «функция социального оценивания». Слой простых верований (называемых также наивными или утвердительными) включает в себя как собственно верования, т. е. представления о реальности (вроде «этот парк сегодня открыт для посещения»), так и разного рода изъявления воли (намерения, желания, обещания, обязательства, клятвы и т. п.), которые можно рассматривать как представления о своих будущих действиях («я сейчас оденусь и пойду в парк»). Отличительной особенностью «простых» верований выступает их некритичное принятие — они являются выражением

* Различие их позиций состоит лишь в акцентах: Дюркгейм подчеркивает в первую очередь *социальность* в оппозиции индивиду и индивидуальному сознанию, тогда как Жане главный акцент ставит на историчности в оппозиции «изначальным» природным свойствам человека.

«простой», совершенно некритичной веры, которая не требует доказательств, не нуждается в ясности и может быть полна противоречий: «противоречия не смущают веру, и это самое странное» [там же, с. 185]. По мнению Жанае, простые верования — в отличие от появляющихся позднее обдуманых верований — возникают под сильным влиянием наших чувств, страстей и страхов: мы верим в то, чего хотим или чего боимся, даем обещания и клятвы под влиянием сиюминутных впечатлений и сильных чувств. Содержание таких верований может быть «почти случайным», но они обладают энергией и побудительной силой, которых обычно лишены более сложные и рациональные убеждения [20; 22].

Именно к слою простых верований Жане относит первое собственно человеческое социальное поведение — «поведение знамени», т. е. поведение человека, отождествляющего себя с той или иной группой, объединенной общим тотемом, знаменем или каким-либо иным символом. Первоначально такое отождествление возникает в ходе разного рода праздников и церемоний, на которых люди ощущают себя частью единого социального целого (например, племени или народа). Сами эти праздники и церемонии Жане считает исходным «поведением группы» (в отличие от стадного поведения, присущего животным) и подчеркивает, что вместе с «поведением знамени» возникает и сама группа — ибо именно символ (тотем или знамя) конституирует ее как единое целое и является «средством объединения того, что существовало по отдельности, средством создания группы, которой не существовало или которая существовала волею случая» [21, с. 149].

Лишь после возникновения группы появляется и сам индивид как психологическое явление — он рождается как предел «распускания» группы: когда группа расходуется после церемонии, сначала она может делиться на роды, затем на семьи, и в конечном счете дело доходит до индивидов. Таким образом, индивид является продуктом социума, который как бы «выделяет» индивидов из себя и противопоставляет их друг другу. Соответственно, возникает необходимость и в эмблеме для отдельных индивидов, аналогичной эмблеме для группы — так возникают личное имя и акт приветствия. Акты приветствия соответствуют актам знамени, их трансформацией являются, по мнению Жане, татуировки и костюмы [там же, с. 150–152]. Так что «индивид — изобретение социальное: мы становимся индивидами, поскольку другие люди дают нам имя и называют нас всегда одинаково» [там же, с. 152–153]. С возникновением «поведения знамени» и

выделением индивида социальное побуждение действия становится более дифференцированным: появляется развернутый приказ, обращенный уже не ко всем, а лишь к некоторым, например, к членам племени или к носителю данного имени.

Возникновение преднамеренных действий. На этом же среднем уровне развития поведения впервые становятся возможными преднамеренные действия. Их предпосылкой выступает развитие речи, а именно «представление действия с помощью слов», благодаря которому в действии выделяются две отдельные части: сначала человек представляет себе горшок или настенное изображение, а потом его делает, сначала человек представляет себе, как он мстит врагу, а потом эту месть осуществляет. Намерение, по сути, и есть выраженное словами представление о будущем результате действия (например, о горшке или настенном изображении) или о будущем процессе действия (например, об акте мести) [там же, с. 174]. Вместе с тем намерение представляет собой приказ самому себе («я сделаю это») и знаменует чрезвычайно важный шаг в развитии собственно человеческих процессов побуждения: возникновение наряду с внешними приказами еще и внутренних, т. е. интериоризацию речевого побуждения. Следует отметить, что положение о том, что каждая психическая функция рождается дважды — сначала как разделенная между двумя или несколькими людьми, а затем она интериоризуется — Жане неоднократно формулировал [например, 20; 21; 22] и считал принципиально важным психологическим законом*.

Рождение «персонажа». Возникнув в глубокой древности, «поведение индивида» развивалось и обогащалось на протяжении веков, и одним из наиболее важных этапов его эволюции Жане считает появление *персонажа*, т. е. «индивида, способного играть определенные роли» [21, с. 180]. Он подчеркивает, что «человеческая личность, прежде чем стать тем индивидуальным “я”, которое мы знаем, прежде чем стать душой, которой мы верим, что являемся, проходит фазу, имеющую огромную историческую, а также патологическую, важность и постоянно воспроизводящуюся: фазу *персонажа*» [21, с. 180]. В явном виде «поведение персонажа» может быть представлено при психических расстройствах, когда в лечебницах появляются «короли», «князья», «Наполеоны», так же как и «несчастные», «презренные» и прочие «униженные» [там же]. У большинства современных людей «поведение персонажа» менее очевидно, ибо над ним надстраиваются более высокие формы поведения, так что мы не всегда склонны

* Жане связывал первоначальные подступы к этому закону с работами Джемса, Ройса и Болдуина (см., напр.: [5, с. 161–162]). Сам он формулировал этот закон прежде всего в отношении внутреннего речевого побуждения: «речь есть особое, специфичное для человека действие, первоначально являющееся подлинным внешним действием, т. е. действием субъекта, который вызывает определенные реакции у других людей. Но речь легко может становиться и внутренним действием, т. е. действием субъекта, детерминирующим лишь его собственные реакции» [20, с. 12]. И еще: «человек пользуется языком не только для общения с себе подобными, но также — поскольку он всегда подчиняется фундаментальному закону, согласно которому он ведет себя с самим собой так же, как он ведет себя с другими — он начинает говорить с самим собой» [там же]. И далее он рассматривает, как эта обращенная к себе речь становится внутренней речью и внутренней мыслью, особо останавливаясь на преобразовании группового обсуждения («обсуждения на ассамблее») во внутреннее размышление («внутреннюю ассамблею»), которое соответствует более высокой стадии «обдуманых верований» (см. ниже).

признать, что и сами можем вести себя на уровне персонажа. Тем не менее мы все «являемся персонажами и мы, лучше или хуже, играем наши роли. Кто-то представляет собой персонаж священника, кто-то врача. (...) Мы можем встретить совершенного нотариуса, блестящего инженера, прекрасного офицера. У каждого есть своя особая роль и все мы играем персонажей по отношению друг к другу. (...) Внутри каждого из нас есть персонаж. Мы можем даже сказать — и можем этим несколько утешиться, — что мы имеем много персонажей, которых мы используем в различных обстоятельствах» [21, с. 182–183].

При этом Жане подчеркивает, что люди не просто «играют» персонажей, но и сами верят в то, что они являются тем или иным персонажем: «большим», «слабым», «важным лицом», «профессором» и т. п. Персонаж — это верование, которое человек имеет о себе сам и которое разделяют окружающие его люди, причем это верование во многом определяет его поведение. Но почему же мы верим в сконструированные нами представления? Почему человек, который считает себя слабым, верит в это и действительно становится слабым? Во-первых, считает Жане, огромное влияние оказывают мнения других людей, они диктуют нам, как себя вести, они диктуют нам наших персонажей. Мы создаем своих персонажей под влиянием окружающих. Во-вторых, есть и личная причина, еще более важная: «мы выбираем тех персонажей, которые у нас получаются» [там же, с. 185].

Появление персонажа и других не критично принимаемых верований представляет собой следующий шаг в усложнении мотивационного строения человеческих действий по сравнению с приказом: теперь в большинстве случаев специальный приказ уже не нужен, ибо верования побуждают человека совершать одни действия и избегать других — «большой» поступает так, как положено «большому», «настоящий мужчина» — как положено «настоящему мужчине». Переходя на более современный язык, можно сказать, что здесь появляется мотивирование поведения социальными ролями и эталонами поведения.

«Функция социального оценивания». Следующим шагом в усложнении мотивационной структуры человеческих действий становится опосредствование наших побуждений актами социального оценивания. Жане указывает, что социальная иерархия играет столь же важную роль в дифференциации индивидов, как и появление персонажа: если персонаж позволяет различать индивидов по «содержанию» их социальной роли (булочник есть нечто иное, чем солдат или профессор), то социальный ранг описывает различия в рамках одной и той же сферы поведения — несовпадение уже не булочника и солдата, но солдата, унтер-офицера и генерала. Человеческое общество, по мнению Жане, буквально пронизано социальной иерархией, мы находим ее не только во всех профессиях, но даже и в светском салоне, в гостях, так что «визиты оказываются полями сражений, где индивиды борются друг с другом за социальный ранг» [21, с. 192]. Ибо люди, собравшись вместе, по-

стоянно оценивают друг друга — будь то по социальному положению, по богатству, по уму, по красоте, по здоровью и т. д.: «мы испытываем потребность классифицировать друг друга по сравнению с остальными» [там же, с. 192].

Функцию социального оценивания (la fonction de valorisation) Жане считает самостоятельной психологической функцией наряду с речью или памятью: «она проявляется в умении требовать свое законное место, добиваться оценки по заслугам, превосходить других и т. п.» [там же, с. 193]. Вся социальная жизнь, по мнению Жане, пронизана этой выделяемой им функцией оценивания, которое существует в двух формах — в виде борьбы за ранг или за положение в обществе, и в виде убеждения в том или ином своем социальном месте [там же, с. 209]. Недоразвитие этой функции приводит к хорошо известным психологическим проблемам, получившим название робости или застенчивости. Как и любая психологическая функция, социальное оценивание складывается из особых действий, и Жане детально анализирует «поведение приниженности» и «поведение превосходства» и описывает акты «принижения себя» и «возвеличивания себя». Особо он выделяет промежуточное между приниженностью и превосходством поведение, играющее очень важную роль в современных обществах: «поведение слуги Божьего» или «поведение унтер-офицера». В религиозном варианте формула этого поведения звучит так: «сам по себе я ничто, последний из слуг Божьих, но благодаря помощи Божьей я выше всех других людей». Аналогичное гражданское поведение Жане условно называет «поведением унтер-офицера», имея в виду поведение любого носителя социальной роли, отдающего приказы от имени какой-либо вышестоящей инстанции. Таким образом, «унтер-офицер — это человек, который обладает всеми преимуществами командования, не страдает от его неудобств. Преимущества командования состоят в том, что ему подчиняются, что он может заставить подчиняться и он может угрожать наказанием; но наказывает не он сам, и особенно важно то, что сам он не изобретает приказов, он их получает готовыми. Трудность командования состоит в том, чтобы находить необходимые и полезные приказания в различных обстоятельствах, приспособлять свое поведение к ситуации. Унтер-офицеру не надо ничего искать и не надо ничего понимать. Ему дают готовый приказ, он его получает, и если его не выполняют, наказывать будет вышестоящий, а не он. Состояние унтер-офицера настолько приятно, что к нему стремятся все, и во всех социальных ситуациях люди придумывают (ils inventent), что они унтер-офицеры» [21, с. 207–208].

Таким образом, «акты социального оценивания» создают еще одно звено мотивирования человеческих действий: акты самоуменьшения, накладываясь на «поведение персонажа», препятствуют его осуществлению (типичным примером может служить застенчивый начинающий учитель), акты самовозвеличения, напротив, побуждают к совершению действий,

персонажем не предписанным (так, убежденный в своем превосходстве ученик начинает спорить и пререкаться с учителем), а принятие позиции «унтер-офицера» дает возможность совершать действия, которые иначе оказались бы слишком сложными и энергетически «затратными» (например, учитель может предъявлять ученикам требования не от своего лица, а от лица директора или «программы»).

Итак, на этапе простых верований как первом шаге развития поведения «среднего уровня» к возникшим ранее способам побуждения (т. е. к рефлекторному реагированию, удовлетворению потребности и подражанию, характерным для «низшего» уровня, и непосредственным речевым приказам, появившимся на «переходном» уровне) добавляется ряд новых. Все эти новые мотивационные процессы тесно связаны с речью, причем речью высокоразвитой, включающей наименования разного рода «полуреальных» или символических объектов. В работах Жане описаны как минимум четыре типа новых способов побуждения действий человека на этапе простых верований: *избирательные приказы*, обращенные к человеку как носителю группового или индивидуального имени, *акты намерения*, побуждения, вытекающие из верований (прежде всего — *ролевые побуждения*, диктуемые персонажем как принятым верованием о самом себе) и *акты социального оценивания*. При этом сами верования оказываются не только «когнитивными» образованиями, но и мотивационными, поскольку они побуждают человека совершать те или иные действия. И если приказы, намерения и акты социального оценивания представляют собой побуждения, связанные с какой-то конкретной ситуацией, то верования, в частности персонаж как верование о самом себе, оказываются более или менее устойчивыми мотивационными образованиями, побуждающими к действию во многих различных ситуациях.

Слой обдуманых верований: внутреннее обсуждение, обдуманые действия, устойчивые жизненные интересы и рождение «я». Следующий принципиальный шаг в развитии человеческого поведения Жане связывает с появлением «операции обсуждения действия несколькими индивидами, которые противопоставляют друг другу свои верования и волеизъявления» [20, с. 25]. Интериоризация обсуждения приводит к появлению *обдумывания* — т. е. «поведения, которое воспроизводит обсуждение внутри нас и позволяет возникнуть согласию на действие лишь после этого внутреннего обсуждения» [там же]. Жане подчеркивает, что «работа обдумывания состоит из серии психологических операций, которых на стадии простых верований еще не существовало» [там же]. К таким операциям он относит прежде всего *сомнение* — как активную «задержку утверждения», препятствующую непосредственному переходу от речи к действию. Другой новой операцией оказывается *вопросание*, актуализирующее различные внутренние побуждения, которые могут быть соотнесены с предполагаемым действием — аналогично тому, что происходит в собраниях людей, когда каждый выска-

зывает свои желания или мнения. Жане подчеркивает, что на рассматриваемом уровне поведения ответы на эти внутренние вопросы являются конкретные правила поведения, житейские обстоятельства и правила морали, освященные традицией [там же, с. 25–26]. Что касается сложных рациональных рассуждений типа «в прошлый раз в аналогичных обстоятельствах я поступил так-то и это привело к неудаче, так что теперь мне надо действовать иначе», то они появляются гораздо позже, уже на «высшем» уровне развития поведения. Жане настаивает, что на среднем уровне мы имеем дело с «*примитивным* обдумыванием», которое «благоприятствует лишь борьбе уже приобретенных тенденций к действию» [там же, с. 26]. Новый шаг по сравнению со строем простых верований состоит здесь в том, что обдумывание актуализирует латентные побуждения, которые, получив словесное выражение, становятся мотивами, увеличивающими или уменьшающими силу обсуждаемого намерения. В качестве характерного примера французский психолог приводит поведение голодного человека, «видящего пищу, которая ему не принадлежит»: «если он может лишь подчиниться своим непосредственным тенденциям, он ее возьмет. Если же он способен размышлять, он обдумает внутри себя последствия своих действий: “если я возьму эту пищу, я наемся, но потом меня арестуют и после этого, вероятно, у меня будет намного меньше еды, я буду сидеть в тюрьме и мне будет очень плохо»» [21, с. 231]. Следующим шагом оказывается интеллектуальная «*работа по примирению противоположных тенденций* и изобретению новой формулы, которая стала бы их синтезом» [20, с. 26]. И, наконец, возникает *акт решения*, который преобразует эту новую формулу в волеизъявление или в верование. Операция решения аналогична импульсу, который характеризует простые утвердительные тенденции, однако она преобразована всей предшествовавшей психологической работой, так что обдуманное решение представляет собой совершенно новую форму действия, появляющуюся, по мнению Жане, в результате «изобретения гения» — как и любая другая новая форма активности [там же].

Итак, внутреннее обсуждение становится следующим шагом усложнения процесса мотивации у человека и делает возможным появление нового типа действий — обдуманых действий, отличающихся от «простых» преднамеренных действий учетом целого спектра наших различных побуждений и намерений.

Появление устойчивых жизненных интересов. С появлением внутреннего обсуждения поведение человека становится гораздо более устойчивым: если действия «примитивного человека» могут побуждаться ситуативно возникающими импульсами вроде гнева или голода, то обдумывание в той или иной степени объединяет и комбинирует наши различные желания и стремления, так что «окончательное решение учитывает гораздо большую часть индивида, чем непосредственные решения. Если мы подчиняемся бурному мгновенному желанию, то в следующее мгновение у нас будет другое желание, и мы мо-

жем пожалеть о нашем действии. Если же мы сначала обдумали, то мы уже успели возбудить второе действие, оно уже объединилось с нашим решением. Изменений будет намного меньше. Благодаря размышлению примитивный персонаж теряет свою изменчивость, он стабилизируется» [21, с. 231–232].

Итак, индивид, способный к размышлению, оказывается гораздо более стабильным, он остается одним и тем же в разных социальных ситуациях. Одновременно личность приобретает и большее единство, ибо различные тенденции, различные инстинкты объединяются в едином поведении. В результате возникает чрезвычайно важный, по мнению Жане, психологический факт — появляются «личные интересы» и поведение, определяемое интересами. Жане подчеркивает, что философы и экономисты глубоко ошибаются, когда считают интересы чем-то изначальным и свойственным «природе человека», ведь «вести себя, следуя своим интересам, далеко не всем дано, наблюдение сразу же показывает, что маленькие дети, первобытные народы, душевно больные не могут этого делать, пренебрегают своими интересами. Сколько раз мы бываем вынуждены напоминать больным об их интересах и говорить им, что они должны их учитывать. (...) Больные никогда не принимают в расчет своих интересов, они подчиняются ситуативным неудовольствиям и различным желаниям, они не учитывают своих общих интересов. Расчет интересов, как его представлял Бентам, есть поведение математика, следовательно, поведение очень позднее, и можно сказать, что первые религии и первые моральные учения имели своей главной целью создание людей, следующих своим интересам» [там же, с. 232].

Эту несколько непривычную для нас мысль Жане обосновывает тем, что первые религии всегда предписывали правила поведения, обуздывающие порывы страсти: «Подумайте, чтобы завтра вы не пожалели о том, что вы делаете сегодня. Вы будете наказаны, я хочу остановить вас угрозами». Это развитие интереса. Интерес был первой добродетелью. Когда люди стали способны мыслить, возник интерес, и он привел к некому единству жизни. (...) Интерес может наполнять жизнь в течение двух, трех, десяти лет, и тем самым он создает определенное единство» [там же, с. 233].

Таким образом, интересы возникают как новый тип устойчивых мотивационных образований человека — наряду с потребностями и верованиями.

«*Поведение инициативы*». Еще один новый тип действий, появляющийся на этапе обдуманных верований, Жане называет «поведением инициативы». Это действие, исходящее от самого субъекта и не являющееся реакцией ни на внутренние импульсы, ни на какие бы то ни было внешние воздействия. Такое «поведение инициативы» французский психолог пытается понять на основании того, что в дополнение к поведению, «запускаемому» физическими воздействиями и речевыми командами со стороны других людей и общества в целом (в том числе — и интериоризованными), у нас «внутри» идет постоянный процесс своего рода «бурления сознания»: «У нас внутри есть

как бы котел, в котором все время идет кипение, готовящее в каждое мгновение все новые неожиданные стимуляции. Индивид неподвижен, его лицо не меняется, но внутри он думает, он размышляет о возможных действиях, сравнивает одни действия с другими. И что получается из этого сравнения различных возможных действий? Получается то или иное решение. И если в этот момент индивид хочет читать, встать, прогуляться, то это желание не определяется тем, что ему показали книгу, оно определяется последовательностью образов, тенденций, внутренних размышлений, которые привели его к этому выводу» [21, с. 234].

Здесь Жане снова обращается к аналогии с собранием или парламентом, который мы наблюдаем со стороны, как бы через окно: «Внутри все депутаты разговаривают друг с другом, спорят. Если решения нет, то можно сказать, что они ничего не делают. Но вдруг они приходят к решению, к неожиданному голосованию: они смещают министра, чтобы развлечься, или делают еще что-то — это постоянное внутреннее брожение вдруг нечто порождает (...) Инициатива есть именно действие такого же рода, которое появляется без какого-либо текущего воздействия извне. Вполне очевидно, что в прошлом были воздействия, были слова и речи, которые оставили воспоминание и которые сделали возможным нынешнее обдумывание. Возможно, что в прошлом были отправные точки этого действия, но мы не знаем, что было сказано десять лет назад. В настоящее время внешней стимуляции нет. Так что действие, которое совершается сегодня, является инициативным» [там же].

«*Возникновение «я»*». Инициативу Жане считает «наиболее важным следствием внутренней мысли». Именно она придает человеческому поведению его особый характер, отличающий человека от всех других живых существ. Размышление и вытекающая из него инициатива настолько преобразуют «примитивного персонажа», что Жане делает вывод о переходе к новой стадии развития личности — от стадии «персонажа» к стадии «я» [там же, с. 235]. При этом он категорически возражает против сложившейся в философии тенденции считать человеческое «я» чем-то изначальным: «философы веками были в восторге от “я” и считали его чем-то основополагающим. Вполне очевидно, что создание “я” есть нечто очень важное. Но и здесь нам опять надо быть осторожными: “я” философов перенесено к началу жизни. Это то, что постоянно делает Мэн де Биран; он открывает существование “я” с его свойствами инициативы, спонтанности, постоянства и тогда он говорит: “Я” существует с тех пор, как появились живые существа, с момента возникновения жизни» [там же].

С этим отнесением «я» к началу жизни Жане категорически не согласен: «В начале жизни никакого “я” не существовало, более того, не существовало и персонажа. До появления персонажа существовало прежде всего собственное тело. Персонаж представляет собой уже значительный прогресс по отношению к началу жизни. Что касается “я”, то это изображение человечества. Человечество изобрело множе-

ство вещей, одни из них прекрасны, другие безобразны. И одним из его лучших изобретений было создание нашего «я». ... Возникли особые поведения, связанные с «я», поведения весьма многочисленные, специальные законы, закон уважения личности, которую вовсе не уважали таким же образом в эпоху персонежа, закон индивидуальной свободы, закон уважения инициативы. Это эпоха, когда начинается эта борьба, которой суждено стать многовековой, борьба между внешним авторитетом и индивидуальной критикой» [там же].

Возникновение «я» Жане связывает с появлением не только внутреннего обсуждения, но и особого «поведения секрета», т. е. умения скрывать от окружающих свои действия, верования, чувства, мысли и намерения [21, с. 223–225]. Именно поведение секрета делает возможной внутреннюю мысль, внутренние психические феномены, не поддающиеся внешнему наблюдению — иначе говоря, то «знаменитое картезианское размышление, в отношении которого философы глубоко ошибаются, принимая дух, со времен Платона, за нечто изначальное, раз и навсегда готовое» [там же, с. 225–226].

В связи с появлением «я» Жане ссылается на статью современного ему философа Бело (Belot) о развитии личной критики — «Социальная дисциплина и развитие духа критики». Бело показывает, что существует оппозиция между, с одной стороны, «духом общества», или социальным сознанием, выражающим авторитет общества и командующим от его лица, и, с другой стороны, критическим сознанием, которое развивается в каждом индивидуе. При этом Жане особо подчеркивает, что в концепции Дюркгейма это индивидуальное критическое сознание и роль индивидуальности не учитываются.

Развитие критического сознания приводит к тому, что «в эпоху “я” индивидуальность противостоит обществу. Это борьба авторитарных религий и еретиков, это борьба теократий и демократий. Это постоянная борьба индивида против внешнего по отношению к нему общества. Это развитие проявляется не только в политике. Оно обнаруживается во всех наших поведеньях и наших действиях» [там же, с. 236]. В частности, это борьба проявляется и в языке — возникает местоимение «я», которое современный нормальный ребенок осваивает на третьем году жизни. Рассматривая трудности, связанные с освоением местоимения «я» маленькими детьми, Жане приходит к выводу, что «местоимение “я” представляет собой очень сильно сжатое резюме целого множества личностных действий. Это резюме наших идей по поводу “я” и удвоенное и напористое утверждение нашего “я»» [там же, с. 237]. В целом, воспользовавшись известным термином Н. А. Бернштейна, можно сказать, что Жане рассматривает человеческое «я» как своего рода «функциональный

орган» инициативного поведения.

Но характеристика «я» этим не исчерпывается — «я» становится еще и «духом», «духовной субстанцией» философов. Жане показывает, что современное понятие духа как особого источника активности, противостоящего телу, появляется довольно поздно*. Различение духа и тела становится отчетливым и определенным лишь с развитием понятийного мышления, приводя к возникновению психофизической проблемы, а затем и к попыткам ее решения: «понятие духа постепенно возникает из поведения стадии обдумывания и стадии мысли. Понятие духа — это понятие об индивиде, который секретен, который абсолютно отделен от обычного тела. Обычное тело видимо, его движения можно увидеть; они могут быть незначительными, но в конечном счете они доступны чувствам. Внутренняя мысль индивида чувствам совершенно недоступна и однако ее надо принимать в расчет, мысль может быть опасна, поэтому ее надо распознать и угадать. Ну вот, и стали говорить, что мысль есть особое существо (*une existence speciale*), которое не совпадает с “телесным существом”. Несомненно, здесь содержится огромная иллюзия; мысль кажется отличной от движений тела, но в действительности она идентична им. Она представляет собой движения, слова, но они предстают в особой форме. Дух был задуман, был сконструирован для овладения этими особыми свойствами мысли.

Тут пришли философы, а когда философы начинают чем-то заниматься, все становится очень сложным и очень запутанным. Они попытались преобразовать это понятие духа в абсолютный и неукоснительный принцип. Они сказали: “Существует дух, который есть существо особого рода, который абсолютно отличен от телесных существ, который обладает особыми свойствами”. Вы знаете, как Декарт, опираясь на это, невероятно усовершенствовал человеческие иллюзии (*la reverie humaine*), когда разделил телесную протяженность и абстрактную мысль, совершенно отличную от протяженности. Это отделение радикально, без всякого взаимодействия. В последующие века философы немало потрудились, пытаясь сблизить то, что они прежде разделили, и они уже не знали, каким образом заставить действовать мысль на тело и тело на мысль» [21, с. 239].

Таким образом, «дух», по Жане, оказывается «сильно сжатым резюме» множества внутренних действий, каждое из которых представляет собой определенную ступень эволюции речи. Соответственно, духовные побуждения, в последние десятилетия вновь завоевавшие права гражданства в психологии (см., например: [6; 16]), в рамках его концепции могут быть поняты как особые — высокоразвитые и интериоризованные — формы речевого побуждения, «изобретенные» человечеством на протяжении долгих веков его истории.

* Современное понятие «духа» существенно отличается от «духов» первобытных народов — наше понятие духа строится в оппозиции к телу: дух противостоит телу, тогда как для первобытного человека этого разделения тела и духа не существовало, «дух» практически означал «существо».

Завершая описание мотивационных процессов и актов уровня обдуманых верований, следует упомянуть еще об одном важном психологическом умении, возникновение которого Жане связывает с этим уровнем — об умении мысленно переместиться на точку зрения другого человека, «влезть в его шкуру». Это умение Жане называл «функцией рефлексии» и, основываясь на своих клинических наблюдениях и педагогических исследованиях своего знаменитого ученика Жана Пиаже, подчеркивал, что именно этой функции не хватает маленьким детям и аутичным больным, причем «различие между ними в том, что первые еще не успели приобрести эту способность, тогда как вторые потеряли ее» [21, с. 240]. Аутизм Жане рассматривал как нарушение «функции рефлексии», возникающее при «замыкании мысли внутри нас», когда она «перестает считаться с кем бы то ни было, кроме нас», что характерно, в частности, для больных шизофренией. И для того чтобы нейтрализовать опасности, которые несет с собой мысль, требуется определенная дисциплина мышления: с одной стороны, в виде задания общеобязательных догм (и в этом Жане видел позитивную сторону религий), с другой — в виде умения подвергать свои мысли и свои верования внутреннему обсуждению и рассматривать их с точки зрения других людей. При этом догма (как и простое верование) оказывается не только «мыслительным» феноменом, но и мотивационным, ибо она всегда предписывает людям, как им следует поступать в тех или иных обстоятельствах (например, «приносить установленные жертвы», «подчиняться власти, ибо она от Бога», и т. п.).

Таким образом, усложнение мотивационной сферы человека на стадии обдуманых верований состоит, во-первых, в появлении устойчивых побуждений новых типов (а именно, *устойчивых жизненных интересов и общеобязательных догм*, добавляющихся к возникшим ранее потребностям и простым верованиям), и, во-вторых, в возникновении целого ряда новых мотивационных процессов и умений: *обдумывания* (с актами сомнения, вопрошания, актуализации прошлых тенденций к действию, примирения конкурирующих тенденций и решения), *актов утверждения «я» и инициирования действий и актов рефлексии* (как мысленного перемещения на точку зрения другого человека).

4. Высшие уровни развития поведения: рациональное, экспериментальное, оригинальное, ответственное поведение

Наконец, высший уровень поведения, достигнутый пока лишь частью людей, а для остальных выступающий своеобразной «зоной ближайшего развития», характеризуется рациональностью, ответственностью, «созданием биографии», оригинальностью и свободой действия.

Обдуманное поведение вовсе не есть вершина психологической эволюции — современный человек,

по мнению Жане, может подниматься в своем развитии и на более высокий уровень и приобретать новые высшие психологические функции. Для того чтобы убедиться в этом, Жане предлагает обратиться к поведению больных, которые осуществляют обдуманное поведение, но не способны подняться выше. К этой группе больных он относит тех, кто принимает правильные и разумные решения, но не выполняет их: алкоголика, который «принимает у нас на глазах прекрасные решения, а через пару часов напивается вдреизг в кабаке», или человека с «проблемами воли», который не колеблется принять правильный курс действий, но начинает сомневаться и впадает в состояние растерянности, когда дело доходит до его выполнения [20, с. 27]. Соответственно, первой формой «поведения высшего уровня» оказывается «рациональное», или «эргическое» (*ergétique*) поведение, которое становится возможным по мере развития высшей психологической «функции работы (или труда)».

Рациональное поведение и «функция работы». Люди, которые исполняют принятые ими решения, демонстрируют, по мнению Жане, поведение более высокого уровня, чем просто обдуманые действия — у них к функции обдумывания добавляется новая функция, которую французский психолог называет «функцией работы», или усилием. Он настаивает, что «труд представляет собой действие более трудное и редкое, чем обычно думают. Его не существует ни у животных, ни у примитивных народов вопреки видимости: это мы заставляем их действовать и напрягать силы ради наших целей и используя их тенденции низшего уровня к поиску пищи и к избеганию боли, но они сами не осуществляют акта работы» [там же, с. 28]. Ссылаясь на работы криминологов, Жане подчеркивает, что «труд исчезает у преступников и проституток», а опираясь на клинические данные, констатирует, что «труд изменяется и исчезает при многих профессиональных неврозах, и его не существует при психических расстройствах» [там же].

Рациональное поведение Жане определяет как умение выполнять принятые решения, исполнять свой долг и подчинять свое поведение правилам морали, а собственное мышление — правилам логики. По его мнению, такое поведение черпает энергию не из потребностей и влечений, а из «особого резервуара», «резерва особых сил», появляющегося у человека, по-видимому, по мере развития «функции работы». Олицетворением этого уровня поведения выступает «человек с характером», определяемый как «человек, способный выполнять свои решения, свои обещания, свои обязательства, даже если это выполнение не приносит ему никакого сиюминутного удовлетворения» [там же]. Жане подчеркивает, что психологическая «функция работы» делает возможной не только работу как таковую, но и моральное поведение (которое он понимает как выполнение морального долга — аналогично категорическому императиву Канта) [20]. Кроме того, «функция рабо-

ты» делает возможным произвольное внимание, «терпение, позволяющее переносить ожидание, скуку и усталость», настойчивость и последовательность действий и непротиворечивое рациональное мышление, подчиняющееся правилам логики*.

Нетрудно заметить, что «рациональное поведение» Жане несколько напоминает «произвольное поведение», как оно понимается в отечественной психологии. При этом очень важно иметь в виду, что возможны два существенно различных варианта произвольного поведения: *произвольное выполнение команд и инструкций* (именно такая произвольность обычно диагностируется на этапе поступления ребенка в школу) и *произвольное достижение целей, поставленных полностью самостоятельно*. Описывая рациональное поведение, Жане постоянно говорит об исполнении решений, принятых самим человеком, и о выполнении обязанностей, «которые высоко развитый человек способен на себя налагать» [там же, с. 28], так что его «рациональное поведение» соответствует лишь второму типу произвольности, но никак не первому.

Экспериментальное поведение. Рациональный человек — это «человек системы», будь то система представлений или система норм и принципов. В этом его сила, но в этом и его ограниченность. Следующий шаг в развитии поведения Жане связывает с появлением индивида, который «умеет считаться не только с законами и принципами, но еще и с фактами» [20, с. 29]. Он подчеркивает, что множество людей совершенно не умеют считаться с фактами и извлекать уроки из опыта, так что распространенное мнение о том, что считаться с фактами легко, представляет собой иллюзию. «Экспериментальное» поведение сложнее рационального, Жане характеризует его как «поведение человека, которому хватает скромности, чтобы выражать свою систему с колебанием и сомнением, и хватается моральной твердости и твердости характера, чтобы терпеливо ждать фактов и избегать «подтасовки опыта», хватается смирения, чтобы принять приговор природы» [там же, с. 30]. Он подчеркивает, что такое поведение присуще вовсе не только ученому, который экспериментирует в своей лаборатории ради достижения научной истины. Напротив, «в современную эпоху дух экспериментирования распространен повсюду: например, кухарка занимается экспериментированием, когда определяет время варки яйца всмятку. Практическая умелость, проверка систем практикой, потребность в проверке механизма, также как и рассказа, потребность в подтверждении наблюдениями других людей, чувство возможного вместо чувства абсолюта, идея природы и законов природы, идея детерминизма — все это распространяется повсеместно» [там же]. Исходя из описания Жане, можно предположить, что новизна эксперимен-

тального поведения состоит не в появлении новых «функций», но в новой «конфигурации» появившихся ранее способов поведения: система принципов соединяется с сомнением в ее абсолютности, моральная твердость — с терпением и смирением.

Рождение биографии, ответственности и оригинального индивидуального поведения. Высшие формы поведения Жане связывает с возникновением и освоением людьми определенных идей: идея природы и ее законов лежит в основе экспериментального поведения, идеи прогресса, случая и свободы — в основе поведения оригинальности, идея «истории героя» — в основе создания людьми своих биографий. «Биографическую функцию» Жане считает одной из сложнейших у человека, у большинства людей она пока развита слабо и свою жизнь они описывают довольно расплывчато и неопределенно. Соответственно, при малейшем душевном заболевании эта функция легко нарушается, примером чего являются, по его мнению, сомнамбулы и «двойные личности».

Стремление к прогрессу приводит, по мнению Жане, к развитию индивидуальных и оригинальных форм поведения, понимаемых и ценимых в качестве таковых. К «поведению оригинальности» он относит и создание гениальными индивидами принципиально новых форм поведения, которым затем могут подражать остальные люди — что, с точки зрения Жане, и обуславливает историческое развитие человечества. Именно в связи с гениальностью и созданием новых форм поведения Жане ставит вопрос о свободе и свободном действии, которое он рассматривает как ничем не детерминированное, а потому крайне редкое — как акт гения.

К этой же группе высших форм поведения Жане относит и подлинно ответственное поведение, связывая его с относительно новой идеей ответственности «моральной, уникальной и индивидуальной» — в отличие от простого послушания приказу, групповой ответственности или даже внутренней ответственности перед богом.

В целом высший уровень поведения Жане описывает лишь эскизно, считая его сферой интересов не столько психолога, сколько писателя и историка. Тем не менее на основе его описания можно выделить несколько новых процессов и несколько новых устойчивых личностных образований участвующих в побуждении человеческих действий. Это прежде всего произвольное усилие, делающее возможным рациональное поведение, тенденция к экспериментированию, соединяющая в себе моральную твердость с «уважением к фактам» и готовностью пересмотреть свои взгляды, опосредствование процесса мотивации рассказыванием «своей истории», будь то истории о том, что мы делали сегодня днем или своей биогра-

* Жане утверждает, что принцип недопущения противоречий (который постоянно нарушается в обыденных разговорах, сновидениях, религиях и бреде больных) есть «не что иное, как закон, который человек налагает на мысль, когда он хочет и может быть рациональным» [20, с. 28–29]. И настаивает на том, что избегание противоречий, согласие с самим собой требует такого же усилия, как и выполнение своих обещаний. Иными словами, избегание противоречий тоже есть работа и «этой работой человек также изменяет определенный аспект мира: к реальности он добавляет истину, ибо истина есть то, чему мы верим в результате не только обдумывания, но еще и подчинения правилам» [20, с. 29].

фии в целом. Кроме того, на «высшем» уровне поведение человека в значительной мере побуждается усвоенными им достаточно сложными «идеями» — такими как идеи природы, детерминизма, прогресса, свободы и ответственности. Здесь, конечно, напрашивается вопрос, что собой представляют такого рода «идеи» как психологические образования, в частности, чем они отличаются от «верований». Сам Жане ответа на этот вопрос не дает.

Заключение

Попробуем теперь коротко резюмировать, что же нового добавляет концепция Пьера Жане в культурно-историческое понимание мотивации человека.

Прежде всего, Жане впервые четко и однозначно показал *связь высших психических функций человека, в частности высших форм мотивации, с речью*. Тем самым психологически операционализировал как «духовные усилия» или «разумные решения» в восходящей к Сократу и Платону традиционной дуалистической концепции мотивации, так и «социальное влияние», «социальные факты» и создаваемое обществом «священное», которые были описаны Дюркгеймом и его школой. Если рассматривать эту линию его анализа в более широком контексте, можно констатировать, что Жане сделал решающий шаг в построении психологической концепции духа и духовности как результата длительного исторического развития речевых действий человека.

Далее, Жане разработал *концепцию уровневого строения человеческого поведения, мотивации и личности*. В частности, он показал, как на побуждаемое потребностями поведение последовательно «наслаиваются» сначала действия, побуждаемые речевыми командами, затем поведение, побуждаемое разного рода верованиями, и, наконец, поведение, связанное с «я», устойчивыми личными интересами, инициативой, ответственностью и свободой. Принципиально важно, что современный человек в концепции Жане оказывается не просто результатом исторического развития, а «носителем» уровней поведения, сложившихся в различные исторические эпохи.

Наконец, Жане фактически описал целый ряд специфически человеческих устойчивых мотивационных образований и побудительных процессов. Если говорить об устойчивых психологических образованиях, побуждающих людей к тем или иным действиям, то это прежде всего простые и обдуманые верования (включая представление человека о себе), устойчивые жизненные интересы, «я» и разного рода идеи. Что касается процессов мотивирования, то в их круг входят всевозможные приказы, акты намерения, обсуждение с другими людьми и внутреннее обдумывание своих побуждений (включая акты сомнения, вопрошания, актуализации тенденций, их примирения и решения), социальное сравнение, оценивание и самооценивание, акты утверждения своего «я», рефлексия своих идей и верований с разных позиций, произвольное усилие и некоторые другие.

Пьер Жане не создал психологической «школы» в обычном смысле этого слова, однако многие его идеи вошли в психологию через работы ряда его слушателей и учеников, ставших впоследствии знаменитыми — например, К. Г. Юнга или Ж. Пиаже. В контексте развития культурно-исторической парадигмы важно отметить, что идеи Жане о связи высших форм человеческой психики, в частности человеческой мотивации, с речью были созвучны разрабатывавшейся Л. С. Выготским культурно-исторической концепции психики и получили в ней дальнейшее развитие. Существенное отличие позиции Выготского — в отличие от Дюркгейма, исходившего из анализа «социальных фактов», и в отличие от Жане, опиравшегося прежде всего на клинический материал, — состояло в том, что он шел к пониманию специфически человеческих форм психики от анализа произведений искусства и их воздействия на человека. Поэтому если для Дюркгейма центральным моментом выступала *социальность* человеческой психики в целом и мотивации в частности, а для Жане — их *историчность* и *уровневое строение*, то в центре внимания Выготского оказалась прежде всего «*культурность*» высших психических функций человека и роль *знаков* и знакового опосредствования в их становлении. Анализу высших форм мотивации человека в культурно-исторической концепции Л. С. Выготского и будет посвящена следующая статья.

Литература

1. Анцыферова Л. И. Психологическая концепция Пьера Жане // Вопросы психологии. 1969. № 5.
2. Виллонас В. К. Эмоции и ситуативное развитие мотивации // Развитие эргономики в системе дизайна. Боржом, 1979.
3. Виллонас В. К. Психологические механизмы мотивации человека М., 1990.
4. Выготский Л. С. История развития высших психических функций (1931) // Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. М., 1983.
5. Жане П. Психологическая эволюция личности. М., 2010.

6. Лэнгле А. Что движет человеком? Экзистенциально-аналитическая теория эмоций. М., 2006.
7. Патяева Е. Ю. Ситуативное развитие и уровни мотивации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1983. № 4.
8. Патяева Е. Ю. К истокам культурно-исторического понимания человеческой мотивации: французская социологическая школа // Культурно-историческая психология. 2009. № 4.
9. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966.
10. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974.
11. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957.

12. Федунина Н. Ю. Пьер Жане. Жизнь и творчество. 2006. Электронная версия: <http://pierrejanet.narod.ru/index.html>
13. Фрейд З. Автобиография // Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М., 1992.
14. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: В 2 т. М., 1986.
15. Элленбергер Г. Ф. Открытие бессознательного: История и эволюция динамической психиатрии: Ч. 1: От первобытных времен до психологического анализа. СПб., 2001; Ч. 2. Психотерапевтические системы конца XIX—первой половины XX века. СПб., 2004.
16. Эммонс Р. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности. М., 2004.
17. Fedunina N. My Janet. A story of investigation. *Janetian Studies*, Actes des conf. du 27 mai 2006, № Spécial 01.
18. Heim G. Pierre Janet's current concepts in Cognitive Behavioural Therapies. *Janetian Studies*, Actes des conf. du 27 mai 2006, № Spécial 01.
19. Janet P. La médecine psychologique. P.: Flammarion 1923.
20. Janet P. De l'angoisse à l'extase. Étude sur les croyances et les sentiments. T. I, Deuxième partie: «Les croyances». P., 1926.
21. Janet P. L'évolution psychologique de la personnalité. P.: Edicion Chanine? 1929.
22. Janet P. La psychologie de la conduite // H. Wallon (ed.), L'Encyclopédie française (t. VIII, la vie mentale, pp. 8.08—11// —16). P.: Société de gestion de l'encyclopédie Française, 1938.
23. Mauss M. Débat sur les rapports entre la sociologie et la psychologie (1931). Extrait d'un débat faisant suite aux communications de Pierre Janet et de Jean Piaget à la Troisième semaine internationale de synthèse. L'individualité. P.: Félix Alcan, 1933.
24. Oulahbib L. S. Janet et Freud. Ce qui les distingue // *Janetian Studies*. 2006. Vol. 3.
25. Van der Hart O. The influence of Pierre Janet's Views in the Field of Psychotraumatology // *Janetian Studies*, Actes des conf. du 27 mai 2006, № Spécial 1.
26. Van der Veer R. Janet's constructive theory of the social mind // Fiedler P. (ed.) Trauma, Dissoziation, Persönlichkeit. Pierre Janets Beiträge zur modernen Psychiatrie, Psychologie und Psychotherapie Lengerich: Pabst Science Publishers, 2006.

Towards a Cultural-Historical Theory of Motivation: Pierre Janet's Conception of Levels in Human Actions

E. Yu. Patyaeva

Ph.D. in Psychology, Senior Lecturer, Department of Personality Psychology, Faculty of Psychology, M. V. Lomonosov Moscow State University

The article describes one of the first concepts of the historical development of behavior and the human psyche — «psychology of the action» by Pierre Janet. The main aim was to reconstruct the levels of motivation of human action in the Janet's concept, i.e. selection of the specific motivational processes and stable motivational formations, which arise at different stages of human behavior and contribute to the action's motivational regulation of a modern adult. Based on the Janet works the author examines four basic levels of behavior and motivational processes. The «low» level — actions are managed by the needs and reflexes; the «interim» — the verbal commands are added; the «medium» — the simple and thought over beliefs appear, as well as stable basic interests, «Self», social comparison, evaluation and self-assessment, etc; and the «high» level — different ideas are added, reflection of own ideas and beliefs from different perspectives, critique, arbitrary effort, etc. This conception of human behavior developed by Pierre Janet is regarded as one of the important preconditions for the construction of cultural-historical theory of motivation.

Keywords: P. Janet concept, psychology of action, human motivational processes, cultural-historical approach.

References

1. Ancyferova L. I. Psihologicheskaya koncepciya P'era Zhane // *Voprosy psihologii*. 1969. № 5.
2. Vilyunas V. K. Emocii i situativnoe razvitie motivacii // *Razvitie ergonomiki v sisteme dizaina*. Borzhomi, 1979.
3. Vilyunas V. K. Psihologicheskie mehanizmy motivacii cheloveka M., 1990.
4. Vygotskii L. S. Istoriya razvitiya vysshih psichicheskikh funkci (1931) // *Sobranie sochinenii: V 6 t. T. 3*. M., 1983.
5. Zhane P. Psihologicheskaya evolyuciya lichnosti. M., 2010.
6. Lengle A. Chto dvizhet chelovekom? Ekzistencial'no-analiticheskaya teoriya emocii. M., 2006.
7. Patyaeva E. Yu. Situativnoe razvitie i urovni motivacii // *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 14. Psihologiya*. 1983. № 4.

8. *Patyaeva E. Yu.* K istokam kul'turno-istoricheskogo ponimaniya chelovecheskoi motivacii: francuzskaya sociologicheskaya shkola // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2009. № 4.
9. *Porshnev B. F.* Social'naya psihologiya i istoriya. M., 1966.
10. *Porshnev B. F.* O nachale chelovecheskoi istorii (problemy paleopsihologii). M., 1974.
11. *Rubinshtein S. L.* Bytie i soznanie. M., 1957.
12. *Fedunina N. Yu.* P'er Zhane. Zhizn' i tvorchestvo. 2006. Elektronnaya versiya: <http://pierrejanet.narod.ru/index.html>
13. *Freid Z.* Avtobiografiya // Freid Z. Po tu storonu principa udovol'stviya. M., 1992.
14. *Hekhauzen H.* Motivaciya i deyatel'nost'. V 2 t. M., 1986.
15. *Ellenberger G. F.* Otkrytie bessoznatel'nogo: Istoriya i evolyuciya dinamicheskoi psihiatrii: Ch. 1: Ot pervobytnyh vremen do psihologicheskogo analiza. SPb., 2001; Ch. 2. Psihoterapevticheskie sistemy konca XIX-pervoi poloviny XX veka. SPb., 2004.
16. *Emmons R.* Psihologiya vysshih ustremlenii: motivaciya i duhovnost' lichnosti. M., 2004.
17. *Fedunina N.* My Janet. A story of investigation. Janetian Studies, Actes des conf. du 27 mai 2006, № Spécial 01.
18. *Heim G.* Pierre Janet's current concepts in Cognitive Behavioural Therapies. Janetian Studies, Actes des conf. du 27 mai 2006, № Spécial 01.
19. *Janet P.* La médecine psychologique. P.: Flammarion 1923.
20. *Janet P.* De l'angoisse à l'extase. Etude sur les croyances et les sentiments. T. I, Deuxième partie: «Les croyances». P., 1926.
21. *Janet P.* L'évolution psychologique de la personnalité. P.: Edicion Chanine? 1929.
22. *Janet P.* La psychologie de la conduite // H. Wallon (ed.), L'Encyclopédie française (t. VIII, la vie mentale, pp. 8.08–11// –16). P.: Société de gestion de l'encyclopédie Française, 1938.
23. *Mauss M.* Débat sur les rapports entre la sociologie et la psychologie (1931). Extrait d'un débat faisant suite aux communications de Pierre Janet et de Jean Piaget à la Troisième semaine internationale de synthèse. L'individualité. P.: Félix Alcan, 1933.
24. *Oulahbib L. S.* Janet et Freud. Ce qui les distingue // Janetian Studies. 2006. Vol. 3.
25. *Van der Hart O.* The influence of Pierre Janet's Views in the Field of Psychotraumatology // Janetian Studies, Actes des conf. du 27 mai 2006, № Spécial 1.
26. *Van der Veer R.* Janet's constructive theory of the social mind // Fiedler P. (ed.) Trauma, Dissoziation, Persönlichkeit. Pierre Janets Beiträge zur modernen Psychiatrie, Psychologie und Psychotherapie Lengerich: Pabst Science Publishers, 2006.